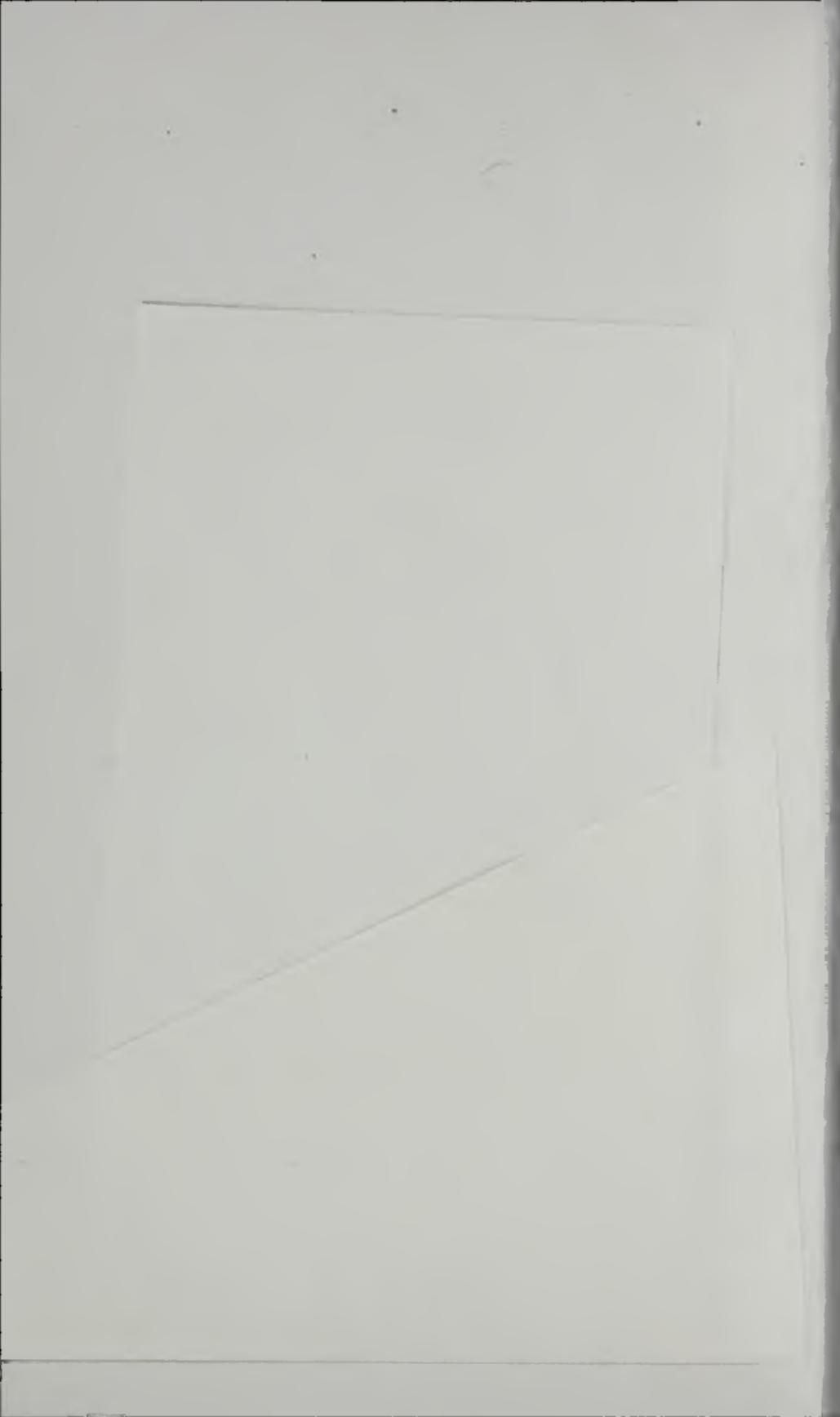

1184(2Рос-Рус)6
В 67

**ВЛАДИМИР
ВОЛКОВЕЦ**

*Окрыленный
бездарожьем*

Владимир Волковец

Окрыленный бездорожьем

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обяза-
тельный
экз.
ХМАО

г. Советский

2001 год

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

67863 -

ББК 84(2 Рос^РРус)6
К В 67

**В новую книгу поэта из г. Советский вошли
стихи и короткие рассказы.**

*Автор выражает благодарность
администрации Советского района за финансовую
помощь в издании книги.*

ISBN 5-94007-020-5

УП ХМАО «Советская типография», 2001 г.

***

Молочно-пунцовый березовый март
Вмерзал капиллярами в небо.
И ворон
Пугливому эху бросал на расхват
Короткие вскарки и слушал,
Доволен,
Пока широко отзывались круги,
И гасли за облачным великолепьем,
И голову вскидывали рыбаки,
Которыми сумрачный омут облеплен.
Истает весна
И округа в плену
Иных голосов многоцветно очнется.
И эхо,
Что зеркалом только ему
Служило,
На сотни осколков взорвется.

***

Снег в зеркалинах и саже
Мелкой сечкой освежен
И в проталинном пейзаже
Оттенен карандашом.
Духом прелости колеблем,
Лес двоится.

    Как не в срок
Бабочка в наряде летнем
Выпорхнула на припек.
И беспечная доньне,
Замирая и дрожа,
Бьется в тени ледяные,
Обжигается душа.

***

Свежего снега свечение
Перетекало в меня
И продлевало вечернее
Очарование дня.

Зиму сдвигали к окраине,
Как залежалый товар...
Странно, ты знала заранее,
Что я сказать затевал.

Не торопила мгновения,
Чтобы вернее облечь
Мог я немое волнение
В неколебимую речь.

Эхо всего мироздания
Замерло, чтобы едва
Только услышав признание,
Тут же размножить слова.

Жаромдохнуло и грянуло:
Ну же, давай же, скажи!
Ты с укоризною глянула –
Камень свалился с души.

***

Пока от ватного тепла
Снега мелели,
Не ждал,
Нет, ждал,
Да, ждал тебя –
Дождался еле.

Но застоялась за окном
Парная морось,
Вошли в которую вдвоем,
А вышли – порознь.

Как я метался, как других
Сводил с ума я!
Не оставляй же ни на миг
Меня, родная!

Еще достаточно огня
И век не прожит.
Не жди,
Нет, жди,
Да, жди меня –
Дождешься может.

***

Все цвета на нее перемерил я,
Вспоминая, во что одевалась.
Но любовь моя, самая первая,
Беззащитного цвета осталась.

***

Засвистела поземка
Зернистым огнем,
Искривила закатные тени.
Покачнулись дымы
Над усталым селом –
Волокнистые стебли растений.
И предчувствием близости
Свежей весны
Неожиданно сердце смутится,
Затревожится.
Выйду в распах белизны,
Чтоб волненьем
С погодою слиться.
И опять неколеблема
Глубь февраля,
Сплав мороза и звездного эха.
Млечный путь
Отмечают в полях от села
До села
Телеграфные вехи.
Но с разбуженной памятью
Настороже
Замирая, стоит темнолесье.
И меж прошлым мгновеньем
И этим – уже
Не могу обрести равновесья.

***

Ты знаешь лучше всех,
Когда судьба наыверт,
Что будет наперед.
Сегодня в сердце смех,
А завтра – горький выдох,
А послезавтра – лед.
Его не растопить
Сумятицей стараний.
Теперь наверняка
Он будет в нас саднить
Да от воспоминаний
Подтаивать слегка.

Трутовик

Вчера еще березы
Взлетали к небесам.
Но, как по тормозам,
Ударили морозы.
И кроны с перепуга
Разделись догола,
От внутренней натуги
Полопалась кора,
В которую, проворен –
И холод не страшит –
Уже вцепился корнем
Какой-то паразит.
Весной поет природа.
А в трещине возник
Из губчатого рода
Нахальный трутовик.
Неистребимо прыткий
Характер у гриба.
Чуть ссадина –
                  и титькой
Отвесилась губа.

Загадка

Заселили март
Странные диковины,
На ветвях сидят
С белками и совами.

В ледяной тени
Страшновато прячутся.
Но пригреют дни
И они расплачутся.

Кто ж это они,
Что боятся солнышко?
А другие – ни...
Как и я – нисколечко!

***

Век неразумного прогресса.
Не верится глазам своим:
Из разворованного леса
Спешит к отбросам городским
И свалкам рыночных окраин,
Сбиваясь в стаю по пути,
Зверье лесное. И хозяин
Тайги, конечно, впереди.

***

Ошарашен теплом,
В паутиновой саже,
Снег стоял за углом,
Не выглядывал даже.
По дорогам несло
Шумную мешанину.
Припекало лицо,
Но морозило спину.
Не скупилась весна
На обилие красок,
Понимала, что на
Ее улице праздник
Под небесной дугой.
И шальная от ветра
Ночь смутила не тьмой,
А отсутствием света.

***

От холода март зачерствел,
Стоит на своем повсеместно.
Таким стал, когда протрезвел
Сосед неожиданно резко.
Скупится, на каждом гроше,
На каждом рубле экономит.
Да черт с ним! Не водки душе,
А солнышка хочется в доме.
Застыла рассада в поре,
Когда распирает бутоны.
И холодно, как в декабре,
И спать не дают мне вороны.

***

Когда говорить не о чем,
Спроси: какая погода?
И если в голосе девичьем
Сверкнет обидная нота,
Скажи, что из автомата
Звонить, как из ада,
Что монета последняя.
И та – медная.

***

Вот тебе и оттепель! —
На сугробах вмятины.
В мороси ли, копотилы —
Перелески матовы.

И спят залысины
От колес на улицах.
Как же мы зависимы
От ночей сосулистых,

Полных суеверьями,
Смутными восторгами.
Бродим под деревьями,
Бредим недотрогами.

Как ни улепетывай,
От любви не спрячешься.
Прослезилась в оттепель,
А весной расплачешься.

***

Обдуманно обидела,
Не скоро позабыть:
Передразнила, выдала,
Что я пытался скрыть.
Всего перековеркала.
Какой позор и стыд!
Но у меня есть зеркало,
Которое мне льстит.
Спешу увидеть прежнего
Знакомые черты.
А в зеркале – насмешливо-
Восторженная – ты!

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

***

Снег сухарист.
Свет хрустален.
Свеж уверенный норд-вест.
Над воронками проталин
Дух тревоги и надежд.

Ель в порыве вознесенья
Вскинет ветви тяжело.
На лету поймаю семя –
Комариное крыло.

Отпущу – да будет почва
Благодатна и тепла.
И болезнь его, и порча
Никакая не взяла.

И хотя рисковый Север
Очернять мне не с руки,
Сколько радости ни сеял –
Заглушают сорняки:

Наговоры, ложь и склоки
Бесхребетных, алчных тех,
Кто под жалобные вздохи
Маскирует подлый смех.

Для таких любое время –
Благодатная весна.
Отпустил на волю семя...
Да взойдет над ним звезда!

***

Ты ночь не спал, как будто
Остался во вчера.
Спросонок было трудно
Понять тебя с утра.
Ты мне хотел как другу
О пройденном сказать,
Но время шло по кругу,
Не возвращалось вспять.
Ты следом шел, дыханьем
Ловил вчерашний дым.
И стал воспоминаньем,
А я – путем твоим.

***

В костер, дымящий еле,
Горючего плеснешь
И вместо снега с елей
На плечи рухнет дождь.

И отшатнутся тени
От жадного огня.
Чем поделиться с теми,
Кто в стужу спас меня?

Густеет снежный холод
И ветер не утих.
Есть чай и хлеб, и повод
Подумать о других,

Кого не мог оставить
И сам в слепую ночь...
И вспыхивает память,
Снег обращая в дождь.

***

Уже озвучен, зеленью
Заявленный, объем.
И тени стали теменью
В ольшаннике рябом.
Шатаемся меж соснами,
Находим, где вкусней,
Несклеванная с осени,
Брусника возле пней.
Наслушаемся певчего
Разноголосья, но
Сердечней человеческого
Не знаем все равно.
Мы узами разумности
Повязаны. И стих,
Как пережиток юности,
Охотничий инстинкт.
Когда слоисто выстлана
Туманами вода,
Нас пристальнее выстрела
Заворожит звезда.

***

Вчера ни облачка,
Сегодня ни просвета —
Сочится с неба млечная труха.
И сосенка дражайшая одета
В очарованье бисерного мха.
Черемуха осыпалась в июне.
Но запах еще держится в лесу.
И сверстнице,
    вчерашней хохотунье,
Внезапная задумчивость к лицу.

***

Засыпаю под облаком,
Просыпаюсь под тучей.
То разбоем, то обыском
Занят ветер.

Послушай,
Узнаю тебя в шелесте,
Пересыпанном солнцем,
В пору бережной нежности
Между нами.

Искромсан
Грозовыми раскатами
Май в несмелой одежке.
Мы сияем под каплями –
Два горошка на ложке.
И желая слиянного
Счастья в одури летней,
Я кольцо с безымянного
Перекину на средний.

***

Тополя ерошили под ливнем
Бледные подмышки. Посмотри,
Как ныряют выводком пугливым
Под ноги проходим пузыри.

Как сомкнулись нити равновесно
В золотое, бисерное сплошь,
Как зонтами выстригая место
В суতোлке, вымокнуть пришлось.

А потом – ознобом по деревьям,
По ручьям плетеным – в перепляс,
Судорожной нежностью по нервам –
Солнышко преследовало нас.

А когда случайно оглянулись
На закат, а может на восход,
Как оно протяжно улыбнулось
Нам во весь широкий горизонт.

***

Цветет картошка. Огурцы
Искрошены в салаты.
Гороха цепкие усы
Добрались до лопаты,
Оставленной у полосы.

И кот потерянно бредет.
Куда? И сам не знает.
Как мир огромен огород,
Восторгами вскипает,
Едва дождем ополоснет.

Цветы загадочнее звезд.
Давно прошла прополка
И тихо в сумерках борозд.
О чем ни думал только,
Пока тянул морковь за хвост.

***

В одиночестве желанном
Солнца ждал, но поутру
Дом невиданным туманом
Завалило по трубу –
Синим с запада налитан,
А с востока – золотым...
Не найти меня обидам
И проклятиям твоим.
Но с томительным безвестьем
Не смириться, потому
Я простукиваю сердцем
Путь к прощенью твоему.

***

Мы зависим от божьей воли
И веселой боли весьма.
Но в окно залетая, пчелы
Домочадцев сводят с ума.

Не пора ли от пыльной лени
В хоровод молодой тайги,
Где выныривают из пены
Беломошной боровики.

Где колышется тень резная
И с молвою сорочьей в лад
Будем долго кружить, не зная,
Что деревья давно стоят.

***

Слепит листва, приобретая
Звеняще утренний оттенок.
И солнце, тень передвигая,
Сбривает иней со ступенек.

И звезды, собранные в бочке,
Темно мерцают от излишка.
И хмарью марлевой на почве
Колышет легкая одышка.

Оттаяв, горечью запахла
Рябина в бликах паутинных.
Висит копеечная капля –
Зато сверкает, как полтинник.

***

Кому приятель, а кому – чужой
На жадной и тяжелой вечеринке
Он женщину назвал своей женой,
Сошелся с ее мужем в поединке
И чуть не поплатился головой.

Как ни обижен, ни разгорячен
Развязанными водкой языками,
Он правым двери выдавил плечом
Пока за левое хватались руками,
Нахальными и сальными причем.

И сразу превратился в темноте
В слепящий облак леденящей пыли.
И те, кто отпустил его и те,
Кто ждал его далече, позабыли:
Зачем он им и мучается где?

Поземисто-морозным сквозняком
Пронизывало с северо-востока...
А женщина летала над столом,
То в зеркало смеялась одиноко,
То затихала в думах ни о ком.

***

И хотел бы не слушать молву,
И не видеть твоей укоризны,
Но попали в такую волну,
Что не каждому вынести в жизни.

Ты из сплетен была сплетена,
Я был создан из славы не хуже.
Полюбили! В чем наша вина?
Но Всевышний заткнул свои уши.

Что ни делаем, наперехват
Нам бегут суетливые тени.
Что ни скажем, умножат стократ,
Перевернут, донесут и хотят
За свое же вранье объяснений.

Стерегут тебя: семь раз отмерь...
Мне внушают: летаешь высоко...
Кто же, кто же за нами теперь
Вездесуще следит вместо Бога?

***

Любовь к вину не обращал в вину.
И стали сны кошмарнее, чем явь.
Но осень поднесла мне тишину,
На горечи ольховой настояв.
Так небо рассиялось надо мной
И сердце заселила благодать,
Что недруг, обуянный Сатаной,
Понять меня не может и догнать.
По свежеподмороженной воде
Шагаю, не давая для молвы
И ненависти повода, - везде
Пройти он мог за мною, но увы,
Трещит под ним и лопается лед,
Угрюмо замыкаются леса.
Хотя еще вчера наоборот
С издевкою смеялся мне в глаза,
Подсовывал обманные пути,
Запугивал предательствами, но
Открыто-беззащитному среди
Подобных обмануться не дано.

Приют

Не осталось надежды на счастье.
В мире страха, обиды и зла
Не судьба, а беда их, отчасти,
В этом странном приюте свела.
Ходят по коридорам, как тени.
Вон старуха, немая совсем.
Вон старик, у которого деньги
В свой карман положил МММ.
Вон девчонка, которую хамы,
Изнасилив, лишили ума.
К ней приходит усталая мама
И стирает белье от дерьма.
Вон афганец, никак не вернется
С никому не понятной войны.
А когда, обессилев, проснется,
Начинает рассказывать сны...
А когда посетит просветленье
И летят на сиянье свечи
Со шприцом в разбухающей вене,
Как архангелы смотрят врачи.
И куда-то везут осторожно,
Погружают в спящую тьму,
Где упасть никогда невозможно
И взлететь не дано никому.

Полнолуние

Ты все еще испуган, не привык
Смотреть, не опуская глаз,
Как на культиях мозолистых мужик
Карабкается зло на унитаза.
Как девушка, в себя погружена,
По лестнице снует то вниз, то вверх.
И в пол-окна дебильная луна
Наводит ужас и тоску на всех.
Почти что нереальные в углу
Сквозят в табачном дыме пацаны,
Что в школе еще сели на иглу,
Спасти от необъявленной войны.
И раздраженно-нервные с утра,
В ответ на осужденье и укор
Взрываются, покуда медсестра
Не всадит им смирительный укол.
И жалко их невинного отца,
Признался, бедолага, на суде,
Что выследив, поджег наркодельца,
Откормленного на его беде.
Подросток у полночного окна
Забылся в полугрезах-полуснах,
А вместо головы его – луна
Сияет на ссутуленных плечах.

***

По асфальту листва расклеена.
В свете памятных ноябрей
На гранитном затылке Ленина
Расчирикался воробей.
И старуха, что в жизни видела
Только брешь в своем кошельке,
Обмела пролетарского идола,
Особливо кепку в руке.
Озабочена светлым будущим –
Настающей стужей, она
Сердцем попусту не бунтующим
В свои годы погружена,
Где горят в кумачовом пламени
Вместе с лозунгами мечты...
Стало древко родного знамени
Черенком для ее метлы.

***

Мы свободны! Свободны? Свободны...
Подросли на полметра заборы.
Стали псы за воротами злобны,
А в воротах мудреней запоры.
Были ночи – по городу шляюсь,
Безмятежен душой, беззаботен.
А теперь по углам озираюсь,
Саданут по башке и... свободен.

***

Взрывы, крики и вой,
И составы в искромсанной темени...
Расшвыряло войной
Корневище славянского племени.
Где вы, тетки мои?
Где вы, дядьки? В Сибири? В Канаде ли?
Свою долю вины
Не могу допроситься у матери.
Кто расстрелян? Забыт?
Или сослан? Пошарься по памяти!
От бессилья знобит
Твое сердце над белыми пятнами.
Там – седые юнцы,
Здесь – невесты, что стали старухами.
И с концами концы
Не свести в мире полном разлуками.

***

Поминальную службу исполня,
Убедили себя почти:
Умереть, просто выйти из поля
Нашей видимости – войти
В поле воспоминаний, в котором
Продолжаем общенье с ним:
И поем, и смеемся, и спорим...
Но уже – слепые с немым.

***

Дорога звала продолженьем
Мальчишеской улицы за
Осинник, пронизанный пенем,
И грузных машин голоса.
Мы так далеко ушагали
Замшелой дорогой лесной,
Что стало казаться, едва ли
Однажды вернемся домой.
Леса помрачнели закатно,
Когда на развилке дорог
Вдруг каждый вернуться обратно
Решил про себя и не мог
Признаться.

    Сстояли, сутулясь,
Не в силах назад повернуть...
Мы все же обратно вернулись.
И легок был выбранный путь...
А нынче и он зарастает.
Зачем же до этого дня
За то малодушие мает
И стыд, и обида меня?
И снится – в сиянье заката,
В тревожно-туманную мглу
Один по дороге куда-то
Иду и дойти не могу.

***

Прости досадную промашку –
На месте памятной тайги,
Гвоздями вбитыми по шляпку,
В кипрейной кипени пеньки.
Ни голубики, ни лисичек,
Ни, более того, примет
Далекой юности... и спичек,
Воспоминанья выжечь, нет.

***

В тополях, на ветру распятых,
Тяжело шелестел закат.
Мы поеживались в объятьях
Сумасшедшего сквозняка.
На асфальте пестрели лужи
Продолженьем сквозных витрин
С ледяной огранкой снаружи
И тревожным небом внутри.
От чужой вокзальной мороки
Наворачивалась слеза,
Потому смотрели под ноги,
Избегая, - глаза в глаза.
Миг у нас на двоих, не больше —
Мы достойно переживем.
Будет жизнь у каждого после
Потаенно жалеть о нем.

***

Ливнями прилизанные травы,
Вылиняв до мягкости льняной,
Серыми морозными утрами
Пахнут боязливой белизной.

Глажу обнаженные запястья
Деревца, а в памяти – твои...
Господи, избавь меня от счастья
Первым разувериться в любви.

И хотя от радости и боли
Я немел и слеп бывало, но
Не молил, чтоб дни перемололи
Золотые зерна в толокно.

Сердце возмужало и окрепло.
Как оно пылало горячо!
И хотя осталась горстка пепла,
Ветер налетит и... ничего.

***

По карнизу капли в очередь
К водостоку.
И летит сырая отеребь
На дорогу,
Затыкая в лужах пасмурных
Ключья неба.
Ты стоишь в дверях распахнутых,
Коченея.
Проводила или ждешь кого?
Не тебе ли
Машет с берега ладошкой
Кто-то в белом?..
Будут вороны над памятью
И тревоги.
И зима прилипнет наледью
На протоки,
Будет штопать между письмами
Аккуратно
Одинокий след твой к пристани
И обратно.

***

От горстки бодрости за ворот
Очнусь и вспомню, и пойму
Зачем держал добрейший город
Меня в мучительном плену.
Следил ночами стооконно
И хохотал до колик днем,
Увидев, как у телефона
Торчу гороховым шутом.
Впадал в отчаянье и места
Не находил себе в часы,
Когда из самого подъезда
Ты ускользала на такси.
Протягивал стакан портвейна
И лез с советами в друзья...
Жесточе выдумать, наверно,
Твоей безвинности нельзя.
Уже из вечности не вычесть
Пережитого.

По весне

Среди разноголосых тысяч,
Поверь, безмолвно только мне.
Над головою свет расхвоен,
Туман клубится из низин...
Теперь я волен и спокоен,
И для тебя неуязвим.

***

Ухожу от пасмурных событий
По сырому шепоту песка
В комариной дымкою повитый
Прямослойный полдень сосняка.

Там роса крупнее голубичных
Ягод на замшелом берегу,
Там черновики невзгод столичных
На костре без жалости сожгу.

И в предверье завтрашнего снега
Я в душе навеки сохранил
Все свои тревоги человека,
Те, что с человечеством делил.

Сторож

Хребтовые извилины метели
Спрямили лесовозы, прогудели
В рассерженную ночь порожняком.
Небритый сторож, не молчится деду,
Желает завязать со мной беседу.
Он здесь со всеми коротко знаком.

Вздыхает: да, работали мы раньше...
В другой бы раз послал его подальше.
А нынче, делать нечего, молчу.
Поддакиваю деду отрешенно:
Дожили до асфальта и бетона
И новичкам морозы по плечу.

А было, было... Маялись на стуже
И под машиной ползали на пузе,
Выхлебывали сапогами грязь.
К мозолям примерзали монтировки
И не хватало на зиму спецовки,
И на медали не скупилась власть.

Характер замесило бездорожье.

Мы не мирились с подлостью и ложью,
Почетен был и уважаем труд.
Да, пили мы не только ключевую.
Когда прозябнем до соплей в ночную,
Не аспири́н глотали от простуд.

Горбатились упрямые, как черти.
Не верите? – по трудовой проверьте.
От благодарностей разлопалась она.
Меня другое мучает – как много
Перенесла, перевезла дорога,
А почему же не вылезим из дерьма?

Куда ушло, куда все подевалось?
Пропало, что заначили на старость –
Не я один нанялся сторожить.
И жизнь прошла. Обидно мне, однако,
Что воры, проходимцы и делеги
Сегодня мне советуют как жить...

Я в нем узнал с досадною тревогой
Шофера, одержимого дорогой,
Героя здешних лесовозных трасс.
Из-под седой колючистой щетины
Проглядывали резкие морщины,
Идущие почти от самых глаз.

Он замолчал, в полночное уставясь,
И машинально пальцами пытаюсь,
Срываясь на отчаянье и злость,
Из подоконника с тоской натужной
Согнуть упрямо, выдернуть
ненужный,
Как боль из сердца, заржавелый
гвоздь.

***

Зимой – мороз под сорок,
Весною – грязь и морок,
А летом нет тропы,
Не звавшей по грибы.
А позже – по орехи.
Привык, чем уже реки,
Тем гуще рыбы в них,
Ершей и щук самих.
Земля – песок с опилом,
Вода – железо с илом,
А небо – снег с дождем.
И лучшего не ждем.

Бригада без работы
Сидит и ждет погоды.
А лес – наоборот –
Тем временем, растет.
И веселеют травы.
И мне приятно, право,
Я даже больше – рад,
Что щепки не летят.
Пою и птицам внемлю,
Покуда держит землю
Тайга в своих корнях
И небо на плечах.

Сыроежки

С причмоком почвой всосаны
Дожди грибного времени.
Но белых, тем не менее,
Я не нашел под соснами.
Не встретил под осинами,
Березами и елками.
Зато столкнулся с синими,
Зелеными и желтыми
Простыми сыроежками.
Внаклонку с передышками,
Вприсядку с перебежками
Набрал корзину с лишком и...
Пусть ахают домашние
И даже теща старая,
Что я грибы на мшанике,
Как пуговицы спарывал.
На кухне тесно запаху
Лесной особой свежести...
Хотите, жарьте к завтраку,
А нет – сырыми ешьте!

Парк

Асфальт корнями вспучен,
Как норами кротовьими.
Есть в городе кипучем
Деревья, под которыми
Стоит пятнистый сумрак
Оленем настороженным:
Вдруг властный недоумок
Снесет указом грозным
Под особняк с бассейном?
И будем век доказывать,
Что хвойник был спасеньем
И отдыхом для каждого...
Пока ж пенсионерки
Судачат на скамеечке.
Из их карманов белки
Выуживают семечки.

Примета

Жаба выползла к порогу,
Пригрозила: будет дождь.
Облаками понемногу
Затянуло небо сплошь.

Только снять белье успели,
А меня загнали в дом,
Ливень с крыши, в самом деле,
Покатился кувырком.

Я в приметы верил слабо,
А теперь – наоборот,
Если даже наша жаба,
Знаю может, а не врет.

Дурак

Сказочен вечер зимний.
Свистну и куст сирени
Скинет лебяжий иней
При появлении царевны.

Выйдет, ступая по-царски,
В легком сиянье улыбки
Только совсем не из сказки –
Из приоткрытой калитки.

Будет показывать норов,
Плечи отдергивать, значит
На ночь полезу я снова
Сказку дочитывать на печь.

Нету волшебного слова
И привлекательных качеств,
Чем без усилья большого
Мог бы ее одурачить.

***

Рысак, озаренно косясь,
Ветрами в округленных ноздрях
Всхрапнул.

И весенняя грязь
Забрызгала утренний воздух.
Вцепилась ребячья душа
Репейником в жаркую гриву.
Мешал я, надсадно дыша,
Его молодому порыву...
Утратив над лошастью власть,
Забыв о киношных погонях,
Желал одного – не упасть,
Повиснув на тонких поводьях.
И жадно держался...

Но вот
Конюшни ветшалая проседь.
Встречает старик у ворот,
Смирная запревшую лошадь.
- Добро, погонял ты коня...
Неловко мне стало и стыдно,
Как зыркнул рысак на меня,
Губу оттопырив ехидно.

***

Растряхивая «ахи» на ухабах,
В отчаянно пустом грузовике
Несла меня нелегкая на запах
Черемуховой ночи в городке.
Не ведая,
А там ли ты – не там ли,
Я обращал, как одержимый бес,
Все камни преткновения
В те камни,
Что брошены судьбе наперерез.
По ним перебегая без оглядки,
Не помнил ни обиды, ни вины,
Из-за которых
Заигрались в прятки:
То я молчу,
То ты мне – не звони.
Столкнемся на испуганном пороге.
И выдохнешь безвыходно:
Судьба...
Я благодарно вспомню о дороге,
Что не давала мне прийти в себя.

О конституции

Кубоподобная бабка
И вопросительный дед
Не нарушая порядка
Прожили семьдесят лет.

Ели бы кашу и дальше,
Но старику невдомек:
Бабка толстеет от каши.
Деду ж и мясо не впрок.

Та же похлебка, а в теле
Не прибавляется вес.
Что ж это в самом-то деле?
Дедка измаялся весь.

Неразрешимость вопроса
Деда в могилу свела...
Их конституция просто
Разною с бабкой была.

Часы

Надоело ворочать гирями,
Чтоб за сердцем моим поспеть –
Объявили о перемирии,
Осязаемом, словно смерть.

***

В полночь войлочно – сосновом
Обильный ливень в получас
Расхватан жадно и рассован,
И впитан мхами про запас.

А утром студенисто - розов
Над головою мрак, пока
Туман с разбуженных откосов
Сползая, входит в берега.

И тают призрачные хляби,
И дышат заводи, дразня,
То серебром сорожьей ряби,
То зябким золотом язя.

Уже ни выплеска, ни складки
На знойном зеркале реки.
И от упасть грозящей капли
В душе расходятся круги.

***

Ты не молчал, без отдыха и без
Стенаний добирался до истока,
Где растолкав над мирозданием лес,
Ты на себя взглянул глазами Бога.

И обратилось суетное в прах,
Небесное с земным перемешались...
И говоря с друзьями, в их глазах
Испепелял сочувственную зависть.

Белый сон

Облака шатает с боку на бок –
То дождем окатят, то крупой.
И черемуха стряхнула запах
Вместе с лепестковой чепухой.

Белыми холодными ночами
Забываюсь в зябком полусне...
Вспыхнешь обнаженными плечами
И плывешь заманчиво ко мне.

Не колыша трав и не сминая,
Из туманно девственной глуши
Подойдешь, дыханьем обжигая:
- Как ты меня любишь, расскажи?

А глаза полны такую болью
И таким отчаяньем горят,
Что тону в них со своей любовью
И едва ли выплыву назад.

- Разве можно рассказать об этом? -
Обнимая с нежностью, шепчу.
Но сквозь душу протекаешь светом,
Лунному подобная лучу...

Снова день и ветренен, и зябок,
Непонятно из чего рожден –
Облака шатает с боку на бок –
То крупой осыпят, то дождем.

На душе тревожно и туманно,
И неверен слух, и нет огня...
Только сон и ты в нем постоянна,
И неуловима для меня.

***

Может случайно прохожий
Вынет из плотного мха
Камень на сердце похожий
И поразится слегка,
Что животворные корни
И капиллярная сеть
Нежной планеты упорно
Взялись его отогреть
И растворить в перелесье,
И рассосать под землей
Боль, обратившую сердце
В камень, оставленный мной.

***

Горьким солнцем налитые стебли,
Как пасхальные свечи, тонки.
Не своди меня, Господи, с теми,
Кто и сам онемел от тоски
И кому не хватило дыханья
Пережитое в слово облечь,
Не оставили камня на камне,
Проклиная родимую речь...

Заходя без звонка и без стука,
Никому не мешая, сидим.
Все равно мы не видим друг друга
И не слышим о чем говорим.
Между нами единственна память.
Между нами не вбить даже клин.
Даже если бутылку поставить –
За двоих ее выпьет один.

***

Милая, чем независимей
Держимся от сентября
И озабоченно-пристальной
Всматриваемся в себя,
Вслушиваемся в звучание,
А не в значение фраз,
Невыносимей молчание,
Околдовавшее нас.
Наговорились и, видимо,
Не одолеем порог
Страха,
    что будет обыденно
Слово, которое Бог.

***

За черным – синий,
За синим – серый,
То морозящий,
То проливной,
Притихнет в мареве предвечерий,
А утром – с градом наперебой.
Куда вы, листья?
Куда вы, птицы?
Дух отчужденности – по пятам.
И невозможно не тяготиться
Былой привязанностью и нам.
Еще мы рядом,
Уже не вместе
И отдаленней день ото дня.
И что далось бы
Нам с болью прежде,
Отпало с легкостью погода.

Кочан

Синегато-матов от натуги,
Многократно листьями обжат...
Мне бы взять себя в такие руки,
Чтобы не испытывал я муки,
Видя, как глаза твои дрожат.

Но порой подкатывает ярость –
Как сосредоточенно мрачна,
С кухонною участью смиряясь,
Обрываете листья, подбираясь
К самой сердцевине кочана.

Сделаем, родная, передышку,
Осень полистаем и пойдем,
Что и в ней веселого не лишку.
На двоих разделим кочерыжку
И давай: кто громче! – погрызем.

***

Осень проветрена досуха
После дождей напролет.
У семенного подсолнуха
Кладка поленничных сот.

Не угадав, что окраина
Вязнет в дорожном желе,
Внуки соседа-крестьянина
Прибыли на «шевроле».

Вспомнили сказку, которая
Про корешки да вершки.
Их с урожаем картофеля
Важно обступят мешки.

Деду, лукавому олуху,
Щедро плеснут коньяку,
Смаху открутит подсолнуху
Собственноручно башку.

К милым потехам готовому,
Деду не жаль ничего.
Вырвет из грядки морковину:
Вот бы... да вместо свово...

С хохотом выхлоп рассеется,
Эхом растает в лесу.
Долго старик не осмелится
Пальцем потрогать слезу.

***

От бабьего лета и до Покрова
Иконно смиренная осень
На ярмарках покрасовалась едва
И стала прозрачною вовсе.
Лучась благодатью,
Поведал старик –
Монах ли, прораб ли, блаженный? –
О храме,
Который без веры воздвиг,
И стал ему раной душевной.
Отныне пророчит,
Упряма и весом,
И ни от кого не зависим,
Что вскоре разрушим,
А верой спасем,
И только любовью возвысим.
Рукой указал
И увиделся Храм,
Резьба по кирпичным карнизам...
И странно реальный
Строительный кран
В святое видение вписан.

***

В тонкий лезвийный разрез
На закатно-ватной толще
Ярко выбрызнулось солнце,
Окровавив белый лес.

Не успел я,

невпопад

Распахнул мгновенью душу,
Как сомкнулась рана тут же
И втянула кровь назад.

***

Разглаживая тени, разветвила
Поземистая вьюга тополя.
И с крыши, пересчитывая, сбила
Сосульки, что висели с ноября.

В порыве обостренного разлада –
Ни воли, ни покоя впереди –
В медовой дымке медного заката
Иду и знаю – некуда идти.

Зима безбрежна, а огни безбожно
Царапают по сердцу, и пути
Искривлены сомненьями, и сложно,
И жизнь прожить, и поле перейти.

***

Он долго, томительно долго
Долбился в открытую дверь.
И взглядом матерого волка
Сверлил мою душу: поверь,
Поэты не ангелы – бесы,
Что грохнулись с неба в дерьмо...
Глаза поднимал в поднебесье:
Как холодно там и темно!
Я видел, как дик и подробен
Его мефистофельский лик...
Продай свою тень – и свободен!
Но кто ее купит, старик?
Я выпустив нить разговора,
Следил, как идет сам собой
Процесс напыленья узора
На стекла вечерней порой.
Давно были вымыты окна.
Разводы от тряпки сейчас
Опять превратились в волокна
Серебряной пряжи, в пейзаж
С лебяжьими звездами в рощах...
Три месяца в рамках окон
Творит своевольный художник.
Но так ли свободен и он?

Пробуждение

В растерянном испуге – не ждала –
Движения разнеженные плавны.
И легкая неряшливость мила,
И леньность неприкрытая забавна.
Врасплох тебя застали как всегда,
Поднять подняли, но не разбудили.
Как птица отвлекает от гнезда,
Притворно не показываешь силы –
Достойно выйти из дремотных пут.
Уже мелькает в выраженье сони:
Те голыми руками не возьмут,
Кто сами у меня как на ладони.
Через минуту выйдешь по лучу,
Проникшему из форточки, такую,
Что станет сразу все тебе к лицу
И что бы ни спросили – под рукою.
В мальчиший круг загадочной игры
Вольешься беззаботно-
простодушной.
Ты эти встречи называешь дружбой,
Но видит Бог, до срока, до поры.

***

Зеленые сумерки по низу
Забрызганы в мелкую синь.
Куда бы ни двигался по лесу,
Шагаю в согласии с ним.

Но стоит дороге уверенно
Найти меня в гуще лесной,
Застыну в сомненье – наверное,
Дорогу послали за мной.

И сразу: черника не ягода
И боровики – не грибы...
И я отдаю себя, загодя
Неведомой, воле судьбы.

***

Рваные тучи на синем –
Ветхозаветный курсив.
Лиственницами расклинен
Хвойно-спокойный массив.

Осень бледнеет под весом
Мрака с дождем пополам,
Страх, который подмешан
Даже к беспечным словам.

Стали деревьям чужими
Листья, а птицам – края,
Что обживали мы с ними
С мая и до ноября.

В сердце тревога и жалость,
Даль и мятежная высь.
Как мы друг к другу прижались!
Если бы можно – слились.

Невыносимо тоскливым
Тянет сырým сквозняком
Между седеющим ливнем
И легковесным снежком.

***

На еловых лапах лес
Взвешивает небо –
Оседающий замес
Птиц, дождя и снега.
Тяжелеет ватный свет
Свежей стужей вея,
Зябнут – кто во что одет –
Нищие деревья.
Что-то слишком далеко
Забрела в нас осень.
Нет, как пулям в «молоко»,
Отклика вопросам.
Впрочем, осень не суди,
Замыкаясь глуше,
Дважды в реку не войти,
А друг другу в душу.

***

Мне хватало с самого начала
Вербы опушенной по весне,
У которой ты меня встречала,
Прыгала, с разбегу обнимала,
Несказанно радовалась мне.
Были годы тяжелее глины.
Шел по жизни, по колено вяз.
И увяз бы, в бездорожье сгинул,
Если бы не твой зелено-синий
Оклик колокольчиковых глаз.
Из тревожной горечи и злобы,
Всеми позабытый и чужой,
Я шагал сквозь лужи и сугробы
По унылым переулкам, чтобы
Прислониться к ангелу душой.
И когда обрадованно брызнет
Смех ребенка на родном углу,
Ты прости, суровая отчизна,
Я давно не плакал в этой жизни,
Но теперь сдержаться не могу.
Дожили, душа моя, на свете
Есть кто и тобою дорожит
На желанно солнечной планете
Ждет под вербой, в юное одетой,
И обнять распахнуто спешит.

***

Лаковый брусничник пересыпан
Лиственничной хвоей.
Поплыла
По низинно-сумеречным зыбям
Паутина сонного тепла.
Небо опустело,
Но не легкость —
Заселилась в душу немота.
Ветер придержал меня за локоть,
Мол, идешь куда-то не туда.
Я и сам задумался у края:
Все ли вспомнил,
Что пора забыть?
Дым костра рассеянно плутая,
Одиноко вытянулся в нить.
И возникло тихое желанье
Ни о чем не думать и не знать,
Слово, обретенное в страданье,
Словно уголь в кулаке зажать.

***

Несловоохотлива осень,
Про зиму
Беседу никак не начнем.
Зелено-молочные грузди в корзину
С любовным почтеньем берем.
По сухо звенящей осоке спрямляем
Дорогу до первой избы.
Родные собаки
Приветствуют лаем
И передают по цепи.
Медовая плоть огородного солнца,
Вселенская тяжесть плода
Томит и печалит.
И радуга льется
Из облака вместо дождя.

***

Дорога отработала свое:
Истертые до проволоки плиты,
Что вжаты в перелески, но не вжиты,
Срывали автокранами с нее.

Дорога отступала из тайги.
А следом полумертвые квадраты,
Не отставая, заполняли травы,
Затягивали, догоняя, мхи.

Когда же позабыли мы, куда
Вела дорога, то не опасаясь,
Ее перебежал внезапный заяц,
Рассыпав горсть орешков у куста.

Деревья вознеслись до облаков,
Вынянчивая будущее в гнездах.
Ушла дорога, затерялась в звездах
И в памяти окрестных стариков.

Клетка
для
Икара

Камешки

На песчаных откосах вблизи болотного озерка россыпи камешков. В пору великого похолодания каменисто-водяной поток с Уральского хребта докатился до наших мест. Среди серенького галечника попадались агаты со слоистыми кольцеваниями, желто-красный халцедон и сердолик. Просто азарт какой-то захватил нас с приятелем. Забыли об осенних грибах и ягодах и, тем более, о лесных красотах. Глаза машинально выскивали среди однообразной серости самоцветы.

Я остановил себя, когда вдруг испугался – больше ни о чем не могу думать, только как бы отыскать повеселее сердолик, собрать побольше, стать обладателем целого состояния. Жуткое, противное, невытравимое, влекущее желание. Камни стали сниться, мучать. Мы еще несколько раз выезжали на то место и возвращались затемно с горстью желтовато-прозрачных, изъеденных временем камешков. И тянуло еще...

Это чувство прошло как только выпал первый снег. Но камешки не выбросил, лежат они в столе в жестяной коробке из-под леденцов – красивые, теплые, солнечные, как дни прошедшего лета.

Актуальное

Сажу на пне, курю, поглядываю вокруг. Из мха торчат кустики багульника, лаково поблескивают листья брусничника вперемежку с черничными, вытягивает усы из-под трехпалых зеленых ладошек костяника, щепоткой длинных иголок заявляет о себе кедр рядом с беловато-карими прутиками рябинки. Тут же валяются ощеренные шишки и иголки туго вкрученных в небо сосен. Стебли осота, множества трав и былинков выплескивают наружу свои, ни на чьи не похожие, листья, ягоды и соплодия...

Как все эти растения уживаются под солнцем на малом лоскутке земли? Вразуми человека, природа!

Водолазики

Стемнело, и дождь мощно, как срубленное дерево, рухнул на привокзальную площадь.

Мы сидели на скамейке, ждали поезда. На асфальте быстро образовалась широкая пузырчатая лужа. Внезапно сын тихо засмеялся.

- Ты чего?

Он резко вскинул голову и засмеялся громче. Еще не зная, что его развеселило, сам невольно заулыбался.

- Смотри, пузыри в луже, как подводные лодки, всплывут, посмотрят, все ли в порядке и опять уходят под воду.

- Или шустрые водолазики в прозрачных шлемах,- поддержал я его.

Мы оба засмеялись, потому что пузыри действительно очень были похожи на водолазиков...

Давно это было. Как-то сыну рассказал, над чем с ним смеялись.

- Да-а? А что тут смешного?

Он уже ничего не помнил.

Пора тополиного пуха

В такие дни жажду проливного дождя — смыть вездесущий, клубящийся на сквозняках, студенисто подрагивающий в тени пух.

В вагоне пригородной электрички, как шаровая молния, парил пуховой ком. Никому из пассажиров не хотелось с ним столкнуться. Отмахивались, отдували, боязливо прикрывались сумками.

Шар воспарял под потолок и, повисев, снова медленно опускался...

Один пассажир не выдержал. Осторожно, как бы поддерживая ком руками, сопровождал его до открытого окна. Встречный ветер тут же разорвал шар на пушинки.

А зимой вспоминаешь пуховейное время с легкой печалью.

Ворона

В пивнушке жила ворона. Замурзанная, вечно мокрая. Она голенасто шагала по столам, склевывала креветки и запивала остатками пива из кружек. Так напивалась, что под конец падала где-нибудь на столе, засыпала, откинув голову и вытянув узловатые лапы. Какой-нибудь щепетильный посетитель брал ее двумя пальцами за крыло и зашвыривал в угол, в кучу бумаг и объедков.

Очухавшись, ворона снова бродила по столам, попрошайничала.

Однажды мы ее перед самым закрытием вынесли на свежий воздух: жалко, сопьется птица. А утром, проходя мимо пивнушки, увидели ее переминающуюся в толпе мужиков, жаждущих опохмелиться, сутулую, с тусклыми глазами и красным клювом.

Туман

От мелкого колючего дождя снег съежился, а река быстро поднялась из промоин, обсасывая желтый лед через рыбацкие лунки. В низинных зарослях клубился туман и на берегу пахло горьковато-свежей прелью, сырой гнилью, смолой и мхом. Мы стояли под кособокой сосной и слушали, как мир и мы с ним, наполнялся будоражащим чувством перемен. Я заглянул в твои ошарашенные глаза и увидел хвойное небо с восторженно золотыми проблесками. Не забыть чувство новорожденности!

На обратном пути туман боязливо переползал дорогу, заполняя собой низины, просеки, вжимаясь в просветы между деревьями, растекаясь по матовой линзе болота.

Через некоторое время мы плыли в облаках, которые плавно превратились в крупнохлопяной снегопад. И когда въехали в город, поняли, что снова вернулись в зиму. А весна, пережитая нами? Наверно, приснилась.

Сон

Меня втолкнули в самолет вместе с бравыми десантниками-парашютистами. Как только самолет набрал высоту, командир открыл дверь, и все молодцы с прибаутками повыскакивали. Моя очередь, а мне страшно – ни разу не прыгал с парашютом. Командир ободрительно похлопал по плечу, подвел к проему и толкнул...

А внизу Земля такая маленькая – с пятак. Как бы не промазать! Как бы угадать в свой родной поселок! Но где его разглядишь с высоты?

Отчаянье и сиротливое чувство одиночества уже после пробуждения еще долго томило меня.

Обои

Кусками, лентами трудно обдирались обои со стен. Я насчитал семь слоев. Получалось, что где-то раз в пять лет стены меняли свой облик.

Голубые, розовые, в цветах и причудливых рисунках, куски обоев охапками выносил на огород и бросал в костер. Наконец, добрался до газет. Часть их оборвалась вместе с обоями, но на некоторых можно было прочесть обрывки доклада Маленкова на девятнадцатом съезде партии. А с оборвыша на простенке глянула на меня молодая бабушка...

- Ба-ашк, подойди-ка!

- А-а, вот газетка-то! Это кто же ее сюда наклеил? А я искала, искала... Ан нет, не потерялась. Это меня как передовицу сняли, телятницей когда в колхозе была...

Газета с бабушкиной фотографией была наклеена так, что смотреть на нее долго уставала шея. Я попытался ножом подрезать газетный лоскут, но бумага лопалась.

- Может, вместе с фанерой вырезать? Память, как-никак!

- Не мучься, не надо. Оставь. Снимок-то есть...

Так и остался бабушкин портрет в рамке новых обоев.

Прядь волос

Пятилетняя девочка пряталась от мамы. Забежала в мой кабинет и залезла под стул. Притихла, положив голову на пол.

Мама заглянула.

- Не здесь ли прячется моя озорница?

Я слегка сдвинулся, чтобы прикрыть спрятавшуюся.

- Я здесь, - пискнула девочка.

-А ну вылазь! Не мешай дяде!

Она и не пошевелилась.

«Действительно, озорница», - подумал я и опять слегка сдвинулся.

И вдруг девочка шустро поднялась с четверенок и побежала к маме. Я машинально заглянул под стул, нарочито удивляясь – неужели она была рядом, а я и не заметил? – и ужаснулся: ножкой стула была зажата прядь волос. Она, видимо, выдрала ее, не сказав, что защемлены волосы. И не заплакала. Я поднял прядку детских волос – стыдно и больно мне стало.

А через несколько минут девочка опять вбежала в мой кабинет. Я обнял ее и, заглянув в чистые озорные глаза, чуть не заплакал.

Запой

Третий день запоя: навязчивая, самому себе внушенная мысль об измене жены, бессилие и ревность, желание протрезветь и реально оценить случившееся, и невозможность это сделать. Приходят друзья, и каждый с бутылкой. Недолго сидят и уходят, оглядев итог семейной драмы – битую посуду на полу, прокисший суп на плите... И нытье виновника: «Что мне делать? Развестись? А как я буду без нее жить?»

- Терпи...

- Нет, я повешусь,- мрачно падает он на кровать.

- Вешайся, если воли хватит,- так же мрачно отвечает очередной собутыльник. И когда хозяин забывается в зыбкой полудреме, мягко притворив за собой дверь, уходит.

В квартире еще обитает полуголодная собачонка, которая, как дух хозяйки, убежавшей от кулаков мужа, обходит комнаты, обнюхивает углы, вздыхает. А потом вспрыгивает на кровать и свертывается клубком под боком хозяина. Чутко взлает, если опять кто-то заглянет на огонек. Разбудит хозяина, все более сознающего, что он наделал, все более молчаливого.

Трезвеет человек. Внутри его, где-то под сердцем и глубже начинает сифонить, сквозить все мучительней и больней гремучая смесь стыда, совести и тоски...

Господи, дай ему силы все вытерпеть!

В ладу с собой

Бабушке Дуне было восемьдесят и еще сколько-то. Сама не помнила точно. Сухонькая и малоразговорчивая, жила она в продувной четвертушке, от которой леспромхоз отказался, а местная власть не нашла средств на ремонт. Размеренно жила. Зимой боролась с холодами, летом – с духотой. В редкие дни перемирия ходила по магазинам, на кладбище и к дальней родне. Все пешком, не торопясь.

Выхлопочет горбыльной рейки на дрова. Сама распилит ножовкой, аккуратно сложит в поленницу. Без надсады пилила, складывала с долгими передышками.

Соседки утвердились во мнении, что старуха очень уравновешенна, голоса не повысит в разговоре, палкой не замахнется на собаку, пьяному дорогу уступит. Против души это было ей.

Рассказывают, что пошла она по грибы. И заблудилась. Немудрено, леспромхоз сильно изменил окрестности. Вышла аж к соседнему поселку, едва узнала куда. Села на автобусной остановке передохнуть, удивляясь своему промаху. Подошел автобус. Люди, узнавшие ее, зовут: поедем, бабушка, через пять минут дома будешь. Нет, отмахнулась она, не могу. Уж как-нибудь пешком.

Удивились бабы, глядя, как она, опираясь на палочку, с лукошком на локотке, пошла вдоль шоссе.

И вправду, не смогла бы она, настроясь на долгий путь, вдруг очутиться дома. Что-то нарушилось бы в ней. Она знала свой душевный лад и не хотела с него сбиться. Может, поэтому дожила почти до ста лет.

Ногти

Бабушка поставила перед табуретом эмалированный таз, налила воды и, задрав подол до самых бедер, осторожно погрузила мосластые ступни.

- Хорошо-то! В такую жарину хорошо.

Она терла пятки, подошву и особенно меж больших кривоватых пальцев, где кожа тоньше, белее и чувствительней. Ей было щекотно и приятно.

Люда, увидев бабушку за этой процедурой, остановилась, вскрикнула пораженно:

- Ба, да у тебя ногтищи, что копыта! Отродясь не стригла, что ли?

- Так, так,- смиренно любовалась бабушка на свои ноги. - У меня-ить и силы нет состричь. Да и ножницы тупы. Наточить бы?

- Давай-ка я тебе состригну.

Она принесла большие крепкие ножницы. Начала стричь, держа их обеими руками. Бабушке стрижка доставляла удовольствие, она резко всхохатывала, вскидывая голову, когда очередной кусок ногтя с щелчком отлетал к стенке.

Когда Люда отерла пот со лба, бабушка боязливо прошлась по комнатным половикам.

- До чего ноги стали легки!

Вышла во двор, привычно сунув ноги в калоши.

- Не жмут, просторны. А я уж грешным делом подумывала, что в бане мне их подменили.

Весь день у бабушки было веселое настроение. Она беспричинно улыбалась, прикрывая ладошкой беззубый рот.

- Ты чего?- недоумевала внучка.

- Так чего-то, хорошо, - уклончиво отвечала старая и еще шире улыбалась.

Голова болеет

В поезде друг против друга сидят дебил Николай и дядя Ваня, помешанный на различных религиях. Последний рассказывает о Боге, потустороннем мире, об Отце Небесном.

- У меня в земле оба, родной и неродной. С матушкой вдвоем живем.

- У тебя такая карма, такой путь на земле.

Зато на том свете будешь счастлив и все, потерянное на этом, найдешь. Хозяйство ведешь?

- Коза, козленок, свинья, куры, огород...

- Молодец!

- У меня голова болеет. Я только руками могу работать.

- Хорошо, я вижу, - сочувственно улыбнулся дядя Ваня.

- Читать не могу, считать не умею. Я инвалид с детства. Минингитом болел.

- Ничего. Есть такие образованные, что хуже тебя в тыщу раз. Все понимают, а грешат. Они на том свете в аду будут корчиться...

Тут дебила как прорвало:

- Никто меня не понимает. Все дразнят дураком. А мне обидно. У меня голова болеет. Я хочу быть как ты и как он. (Показывает на меня.) Хочу книги читать и так же говорить, как ты, и думать...

Долго он не мог успокоиться, повторял, не

обращая внимания на успокоительные речи проповедника, - Я инвалид с детства, никто меня не понимает. У меня голова болеет... Он мотал башкой из стороны в сторону и крутил маленькими бессмысленными, оплывшими глазками, брызгал слюной: «Я хочу быть как ты и как он».

Видимо, что-то понял дурак.

Фига

Муж вернулся к вечеру злой и мрачный. Без рубля в кармане.

- Что случилось? – начала приставать жена, похожая на очковую змею. Вчера спьяну свалилась с крыльца, ударилась лбом о ледяную ступеньку, и синяк равномерно залил оба глаза. День просидела дома, не высовывалась.

- Что – «что»? В электричке подсел к мужику. Антилигент. В очках и норке. Дай, мужик, говорю, на хлеб. Жрать детям нечего... Чуть не плачу. А он мне молча, подчеркиваю, молча сунул под нос фигу. Ну ладно сказал бы, понимаешь, мужик, нету. А он – фигу. Обидно мне стало. Хотел заехать по морде, да люди вокруг. Сдержался.

- Ты пьяный был, наверное...

- Да с чего бы, бормотухи выпили на старые дрожжи с Васьком. Хотели еще добавить. А этот... все настроение испортил. Решили на остановке ему врезать по очкам. Ждем. А он мимо проходит, усмехнулся да еще и нагло мне подмигнул. У меня и руки опустились. Оторопел... Гордость, что ли, какая-то проснулась. А че я унижаюсь перед ним?

Человек с чемоданом

По вечерней улице еле плелся, вздыхая, оглядываясь, о чем-то с самим собой споря, кого-то отчаянно моля, человек с большим чемоданом.

Словно опомнясь, остановился и, трезво посмотрев вокруг, присел неподалеку от меня на скамью, закурил, ссутулился. Ему наверняка некуда было идти с этим тяжелым, как семейная драма, чемоданом.

Но внезапно он выпрямился и пристально посмотрел в конец улицы. Неужели на что-то решился?

Шла машина «медвытрезвитель». Он выбежал на проезжую часть и сел на чемодан. Машина резко остановилась. Сержант что-то крикнул ему, приоткрыв дверцу. Тот не шелохнулся, только поднял на него мучительно-тоскливый взгляд.

Служитель порядка взял послушно поднявшегося гражданина за локоть и довел до зарешеченной двери. За нею и скрылся странный человек с чемоданом.

Ничего, успокаивал я мысленно чем-то симпатичного мне незнакомца, бывает. Все в жизни бывает...

Очередь

Мы со старухой уже пять лет как на пенсии. К сыну бы в гости съездить, и не могу. Не подумайте, что загружен заботами, нет, сижу дома, книги читаю, общаюсь с периодикой. А поехать не могу потому, что не выдерживают нервы очередей в билетную кассу. Прямо трясет. Не знаю, откуда такое пришло. Раньше полегче было: покричишь кассирше, она тебе на пальцах покажет, что к чему, раз я глуховат, билет выдаст, и садись в вагон.

Последний раз вот вышло нехорошо. Народу было – уйма. Я стою в середине. Со всех сторон толкают, лезут к окошку. И так три часа. Как застопорило. Устал. А тут еще этот, чуркестанец, приклеился, сладко улыбается, показывает мне палец: мол, минутку, спрошу – и все. Я уже почти у окошка оказался, так неожиданно сзади подтолкнули. Пожалуйста, говорю, хотя у самого внутри все кипит: настоялся вдоволь.

Залез этот чуркестанец и начал шурымуркать с кассиршей. Вижу, она улыбается, но головой мотает отрицательно. Он опять ей полушепотом: если на этот поезд нет, то попробуйте на другой. Она кивнула: хорошо. Он оглянулся и кому-то призывно рукой махнул. И тут к нему подвалили еще человек десять – все на одно лицо. Так даванули, что я из очереди

вылетел и чуть не встрял в соседнюю. Войдите в мое положение. Когда в очереди стоишь – вроде каким-то правом наделен, вне ее – совсем как голый. По натуре я терпелив, а тут не сдержался, просто затрясся весь. Стал их хватать за рукава и отдергивать от окошка. Чувствую, люди меня одобряют и помогли бы мне да боятся место потерять. А эти наглецы не обращают на мое возмущение внимания, лезут. Одного оттащу, другой меня обойдет, гляжу – уже билет в руке. Они со мной, как с котенком, играют. А сила-то у меня откуда? – одно негодование. От обиды прямо заплакал. Смешно, а мне еще и стыдно перед людьми стало. Мужик, войну прошел, а тут сопли распустил. Без билета ушел, не стал стоять.

А сын, слава Богу, обещает сам приехать.

Гул картофеля

Клубни, как гири, висели на пуповинах, когда Семен, заграбастав вялую путаную ботву, приподнимал, нежно встряхивая, картофельный куст.

Лопата с шипом резала суглинок, мелко перешнурованный корнями и изредка пружинистыми червями. Семен переворачивал комья, сверху слегка разбивал их лопатой, и они мягко, пухово рассыпались. Женщины шли за ним то внаклонку, то вприсядку, шустро выхватывая из земли картофелины, наполняли гулкие ведра и высыпали в кучу, чтобы картошка обветрилась.

Куст за кустом, ряд за рядом уменьшался огород. Уже и поясница ныла. В одну из передышек Семен собрал костер: сгреб ломкую ботву, щепки, принес несколько поленьев. В дырявое ведро отобрал некрупной картошки и перевернул его посреди костра. Прикурил от горячей ветки. Неведомо щемящее чувство наплыло, заселило душу. Он посмотрел далеко за крыши, за березняк, наполовину наполненный небесной синью. И задумался о чем-то радостно-одиноким, чему и определения не было.

Осталось докопать рядков пять. Жена Семена с матерью ушли готовить на стол. А он отрешенно и благостно следил за приседающим пламенем и слушал звонкие угли. Потом

отодвинул сапогом от ведра головешки и опрокинул его. Картошка мягко раскатилась по земле. Он выхватил парную, очистил и откусил: без соли не тот вкус.

Жена уже разливала по тарелкам дымящееся варево.

- Садись, пообедай.

- Картошка испеклась, мне соли только.

- Не придуряйся, давай садись...

Он поспешно отсыпал в горсть из солонки и прошмыгнул в дверь. Только уселся у костра, разломил горячую картофелину – прибежала жена.

- Ну, чего расселся? Долго тебя ждать?

Она в ведро покидала печеную картошку и ушла с ним. Минут десять еще Семен посидел у костра, пытаясь найти потерянное, связать оборванное, но пасмурью затянуло то, откуда просочилась благодать.

После обеда они снова вышли на огород, молчаливо доконали последние рядки. Просохшим картофелем наполнили мешки. Мешки Семен на горбу перетаскал в дом. Перетаскал, ссыпал в подполье. Ссыпал, тяжело захлопнул крышкой.

Воробей

В целлофановом пакете, брошенном на дороге, ветер пересыпал горсть хлебных крошек. Воробей прыгал вокруг, приноравливаясь поклевать. Порывом раздуло пакет и воробей, не раздумывая, скакнул вовнутрь. Ветер стих и мешок ослаб.

- Попался, рыжий!

Так в пакете и принес его домой. Воробей сразу почувствовал открытую форточку. Как только вытряхнул его, вспорхнул и сел на краешке. Заметил, хитреньш, на столе рассыпанную крупу и не улетал. А может и понял, что я его неволить не стану: захотел, пожалуйста, лети. А домой принес лишь потому, чтоб хоть с какой-то живой душой разделить одиночество свое.

Кедренок

Она первой увидела на меховой обочине пушистого кедренка.

- Вон! Стой!

Осторожно с корневым комом выкопали деревце и насыпали в отдельный пакет родной почвы. Решили посадить возле яблони. В земле после стройки попадались куски бетонного раствора, осколки стекла и кирпича, поэтому яма получилась не очень аккуратной.

Она суетилась вокруг саженца, поглаживая длинные мягкие лапы, поливала водой с каким-то удобрением.

- Ну, грех ему не прижиться. Хоть один мужик во дворе будет, а то все бабы: яблоня, вишня, рябина, черемуха, ирга... Расти, мой родной!

- Болеть будет, поздно все же пересадили.

- Ничего, мы его любить будем, выживет.

Всякий раз приезжая к ней, он первым делом оглядывал кедренка. Тот слегка пожелтел, но держался удивительно стойко, иголки не осыпались. Внутри его шла борьба за жизнь. Уже вовсю бушевала листвой яблоня и рябина, а он никак не мог оклематься.

- Родной мой, единственный, - она встречала гостя и таяла в его крепких объятьях, - если ты меня разлюбишь, кедренок умрет.

- Не позволю, - и легко поднимал ее и

кружил вокруг деревца. – Осенью посадим другой.

- Нет, я хочу, чтобы этот выжил.

Мистическая связь между любовью и жизнью деревца тянула его ежедневно приезжать к ней. И это не помогло, кедренок порыжел, только у самой земли одна ветвь оставалась зеленой.

Осенью у них родился сын – Егорка. В больших глазах его по маминому синих просверкивали отцовские хвоинки.

Синяя клюква

На плотных моховых кочках краснели россыпи мелкой, почти бисерной клюквы. Собирать ее не было никакого удовольствия. За два часа набрали от силы литра по полтора. Намаялись в постоянном топтании: ни присесть, ни прилечь – вода медленно засасывала сапоги. Вспоминались рекламируемые памперсы, что впитывают влагу, а задница остается сухой.

Надоело! И выходя из болота, свернул в хилый соснячок. И не поверил своим глазам – синяя клюква! Крупная, как виноградины. Товарищи, увидев ягоды, забыли про боль в спине и усталость. Я вначале только ел необычные ягоды, хрустящие и сладкие, горсть за горстью, пока не набил оскомы.

За полчаса мы наполнили ведра. Участок отменной клюквы оказался совсем крохотным. Специально обежал вокруг, но ничего подобного не встретил. Удивительно! Возвращаясь к машине, думали-гадали – за что нам такое счастье? Все казалось, что мы должны будем чем-то заплатить за него: или вымокнем до нитки под накрапывающим дождем, или, не дай Бог, споткнемся и рассыплем ягоды, или еще что-то непредвиденное вот-вот омрачит наше настроение...

Но никаких неприятностей не случилось. Радость сохранилась и вспоминается всякий раз, когда среди зимы запускаю руку в коробку – похрустеть темной леденцовой ягодой.

Страх

Мой соперник – я ему расквасил нос в третьем классе, чем закрепил первенство нашей улицы в селе,- выучился на тракториста, женился, развелся, поработал где-то в леспромхозах и на газотрассах, отсидел два года за кражу, а все равно, чуть что, начнет на кого залупаться, ему памятливые односельчане лукаво грозят: придет Вовка-то, скажем, сразу отшибет охоту руки распускать. Он мигом смущался и смирил.

Через четверть века я приехал погостить в родное село.

-Вон твой соперник идет,- показала тетушка на вороватого вида крепенького мужичка и окликнула: Миколай, иди, поздоровайся с Володей, чай, сыздетства не видались!

Николай нервно дернулся, пристально оглядел меня и разочарованно сплюнув, не поздоровавшись, пошел дальше.

-Не поверил, видать, - подытожила застарелый страх Николая перед моим именем тетушка.

Половина

Он еще знал свою норму, едва глаза закрывались, вставал:

-Пора мне к своей половине...

И уходил, а мы смотрели вслед с тайной завистью.

Однажды все же случилось, что его половина ушла к другому. Он остался с нами, своими собутыльниками, с тоской вспоминающими о своих потерянных половинах.

Как-то в нашу компанию явилась с сияющим «фонарем» половина, которую каждый признал своей. Она легко переходила от одного к другому. Мы ей дарили все, чем можно было вызвать ее радость...

Но и она неожиданно, как только «фонарь» погас, исчезла, пропала насовсем. Когда осознали, кем она была для нас, стали полполовинами.

Веселый человек

На инвалидной коляске шнырял по больничным коридорам, добывая всевозможные новости, армянин Жора. Лицо его в резких веселых морщинах со скособоченным шнобелем можно было видеть одновременно и у телевизора, и в столовой, и у поста дежурной медсестры. Везде и со всеми успевал пообщаться.

Ноги его без ступней, обмороженных на когалымской трассе, в крепко зашнурованных ботинках. Иногда он вставал с коляски и медленно, неуверенно прохаживался. И тогда становился совершенно серьезным, внимательно сосредоточенным в себе, с мрачной складкой меж бровей. Человеком, вспоминающим ту жизнь, когда беззаботно бегал по земле на своих двоих. Нет, отбегал свое и, болезненно морщась, вновь усаживался в коляску, как бы примиряясь с собой настоящим. И сразу становился прежним, шутливым и улыбчивым.

Правый глаз у него искусственный, с черным, жутко-неподвижным зраком. Живой глаз он постоянно вытирал от смешливой мокроты платком, а вставной забывал и странно было видеть на его выпуклом белке табачину или ресничку. Когда он завирал, рассказывая сногшибательные истории, я смотрел в его неподвижный глаз и верил ему больше, чем живому.

Любимая

Ты мне приснилась низенькой, толстозадой уродиной. Растерянно смотрел: за что я тебя полюбил? Шли по городу и знакомые оборачивались на нас. Я чувствовал себя не в своей тарелке. Хотелось как можно мягче и скорее попрощаться с тобой. Но ты цепко держалась за рукав, шла рядом, заглядывала преданно в глаза, как приласканная мной дворняжка и благодарно улыбалась.

Проснулся и вспомнил тебя стройной, легкой, одухотворенной. И стало за себя во сне стыдно.

Телефон

Я звонил ей почти через каждые полчаса, хотелось слышать ее голос, смех, болтать о чем попало.

Однажды я пришел к ней в гости. Сидели за низким столиком, смотрели друг на друга, молчали. Зачем слова, когда и так хорошо.

И вдруг – телефонный звонок! – резкий, хрипло-ржавый! Меня передернуло – что за голос у телефона! Командирский!

А я-то, олух, звонил сюда через каждые полчаса! Как должно быть ненавистен был ей телефон с противным криком: ко мне! А вместе с ним – я!?

Не мог больше ей звонить, звонила она.

Сухари

На лето Мишу мать увезла к бабушке на разъезд. Поезд на нем не остановился. Три километра шли по шпалам в обратную сторону. Устав от дороги, внук уснул почти сразу же в ласковых объятьях бабушки. Разбудил запах горячих оладьев. Лежал с открытыми глазами и наслаждался одиночеством. У печки в углу стоял холщовый мешок, пощупал – сухари. Похрустел всухомятку. Ему была незнакома привычка людей, переживших войну, сушить хлеб впрок.

За лето он незаметно для себя сухари изгрыз: брал с собой на рыбалку, на покос с бабушкой – готовили сено и веники козе Пеструхе, бродили по темному ельнику, резали рыжики. Да и пережидая проливные за книгой, грыз ржаные квадратики, белые не попадались, запивал козьим молоком.

Бабушка была глуховата, что и позволило ему беспрепятственно уничтожить старуший запас. Она поздно спохватилась. Решила с чаем размочить сухарики, не хотелось топтать за хлебом на станцию. Только руками развела:

-Миш, не ты ли та мышь, что мешок опустошила?

Он улыбаясь, мотнул головой, ожидая похвалы. Но бабушка вздохнула и отвернулась:

- Охо-хо, а мне бы на зиму хватило. Не находишься в даль этаку по путям...

Ведро

Который раз за лето, отправляясь за грибами, берем знакомую. И всякий раз она выходит к машине с эмалированным ведром. Вроде сейчас есть более легкие, пластмассовые да и плетеную корзину купить на рынке не проблема, нет же, опять в ее руках это тяжелое, скрипучее ведро.

Не выдержал: что, другой, более удобной и легкой посуды нет?

Она смущенно ответила, что плохо ориентируется в лесу, а скрип ведра хорошо слышен и потому ее в лесу не потерять. А ведь правда, про себя усмехнулся я, по ведерному звуку я легко узнавал где она находится, да и сам себя чувствовал увереннее, когда слышал рядом бряк знакомого ведра.

Клетка для Икара

*Любимая, в окне забор из плит
С рифлеными прожилками железа,
Который мне поставили на вид
Во имя моего же интереса.
Грехи удрать на волю не дают,
Где слился волчий с человеческим воем,
Где ветры вместе с птицами поют
И объяснять не надо ничего им.*

В палате, куда нас с Колей втолкнули, встретил непонятого возраста детина: всклокоченно-черная, без единой седой нитки голова, на щеках щетина, переходящая в бороду, нижняя губа почти касалась носа. Без всякого вступления он забормотал что-то о пьянице-отце, бросившем их с матушкой, которая по вечерам варила ему большущую кастрюлю картошки, очень вкуснющей. Он был в неопрятной полосатой пижаме. На ширинке штаны были порваны и в прорехе болталась вялая головешка. Он подошел к нам и стал отечески поглаживать по спине, а Колло даже слюняво чмокнул в шею. Коля брезгливо отпрянул и готов был ударить дебила. Но тот слащаво разулыбался:

- Я люблю вас, люблю, милые...

На соседней кровати истерически зашелся хохотом мальчишка. Мы его и не заметили, скрюченного под тонким одеялом. Он хохотал,

протирая ладонями щеки, во рту не было ни одного живого зуба – кариесная чернота.

- Заткнись! Сейчас на башку парашу выплесну! – резко вскочил с кровати третий, суховатый и рыжий жилец палаты.

- Попробуй только, ха-ха-ха...

Рыжий решительно направился к эмалированному ведру в углу палаты, загремел крышкой. Я онемел, а Коля равнодушно отвернулся к окну. Хохотун тут же слетел с кровати и стал кружить вокруг рыжего.

- Не надо, ну не надо. Я же не виноват. У меня мысли в голову приходят смешные, и я не могу сдержаться...

Он готов был заплакать.

-Ты не передо мной извиняйся, а перед гостями. Что они о нас, о тебе подумают?

-Ребята, - искренне взмолился мальчишка, - извините, ну извините... Хотите, на колени встану?

Мы с Колей переглянулись и махнули рукой, мол, что делать, если с придурью человек. Но хохот накатывал на пацана почти каждые полчаса. И мы привыкли, старались не обращать внимания. И вообще, вели себя сдержанно, разговаривали между собой о чем попало, только не о странных соседях.

Ужин нам вкатили на тележке: жидкая гречневая каша в железных тарелках, кружки с чаем и по два куска хлеба. При виде каши меня

передернуло, и я отказался от ужина. Дебил схватил мой хлеб, засунул куда-то подмышку. Коля предусмотрительно пододвинул к себе мою кашу и чай: «Надо есть все, что дает хозяин. А то, что у тебя в тумбочке, никуда не денется». Коля несколько лет отсидел за хулиганство и знал цену пайку. Хохотун схватил тарелку и хлеб, присел на корточки в углу, отвернувшись от нас. Я недоуменно посмотрел на Колю, он криво усмехнулся:

- Опущенный...

Только спустя время я узнал историю этого паренька, не вынесшего издевательств в колонии, после чего и оказался здесь.

Рыжий выглядел вполне нормальным, только иногда ставил меня в тупик:

- Самый короткий анекдот: муравей пнул слона. Смешно?

-А знаешь, - он наклонился к самому уху, - я изобрел самоверт.

-Самолет, наверно?

- Нет, именно самоверт. Гибрид самолета с вертолетом. У меня есть совершенные расчеты, чертежи, все, что нужно... Это машина двадцать первого, даже двадцать второго века...

И он шепотом мне стал объяснять его устройство, которое я никак представить не мог.

После ужина нас с Колей вывели во двор, огороженный железной сеткой, на перекур. Коля сразу же встретил корешей, они пообещали нам

цифиру. Очень удивились, почему нас, алкашей, поселили в «клетку».

От крепкого, вяжущего чая не спалось. Слышал, как в соседней палате пронзительно чисто и долго кричала женщина, как суетились медсестры, успокаивая ее. А она не унималась. От этого на душе было тоскливо-одиоко. Уснул под утро, снилось, как я летал на странном сооружении, похожем на самоверт.

Утром нас перевели в другую палату.

Мужик

Как встретятся старухи, так разговор о болезнях. У этой и радикулит, и плеврит, и еще черт-те что. Другая не отстаёт, жалуется на давление, сердце, но чтобы хоть в чем-то страдательней выглядеть, приводит последний аргумент в свою пользу:

- Конечно, ты весь век с мужиком прожила, сохранила здоровье. А я-то везде сама, намаяла организм.

- Зато у тебя три мужика было!

- А чего хорошего? Третий-то совсем дрянной был. Это еще когда я в малосемейке жила. Помню, к вечеру холодища под сорок. А в ту пору в общагах бичей водилось, как тараканов. Я не открывала никому. Чуть что – грожу милицией. А тут и дверь забыла закрыть. Вваливается в комнату тихонький такой, слова сказать не может, сразу к батарее прилип. На нем куртешка на рыбьем меху и шапка вроде солдатской, на ногах корочки – как еще пальцы не отморозил. Выгнать не посмела.

Наплел мне, а я уши развесила, мол, приехал на Север к брату, тот его приревновал к своей жене и вот в чем был выгнал. Куда идти? Уехать – денег нет. Пожалела. А потом смотрю, из холодильника припасенная на лекарства бутылка спирта исчезла. Он навеселе. Свитер был теплый, толстый – пропал. Ну, думаю, добра от

него не жди. И выгнать не могу, не уходит. А я работала посменно, уйду, чем он тут занимается, не знаю. Пошла в ЖКО, помогите, говорю. Порешили в двадцать четыре часа ему выселиться. Кое-как на билет ему насобирала рублями. Он еще и друга с собой прихватил – мужа соседки-учительницы, тоже алкаша. И слава Богу! Она до сих пор меня благодарит, избавилась.

Какие уж тут мужики, одни нервы.

Виноватые

Как шатко благополучие. Еще час назад не боялся, что любимая жена изменит, с работы уволят, померкнет авторитет милиционера. И вот... Не отчаяться бы до сумасшествия, не опуститься бы до безвыходного дремучего запоя! Как найти сочувствие и понимание близких?..

Он орал в телефонную трубку то игриво, то моляще, то обиженно-зло:

- Какой ты мне друг, если не хочешь подбросить на машине? Туда-сюда. Пять минут. Ну что тебе стоит, а?! Сто лет тебя не видел, выпьем. Ну и что? Жена? Отодвинь. Кто в доме хозяин?! Ладно Жду.

Трехлетний ребенок выбежал справа из-за стоящего на обочине «газика». Не успел ни заплакать, ни удивиться – за что? Он уже никогда, никогда, никогда...

- Да, это я виноват, я. Невезучий какой, у-у... Я увидел его вот, перед самым носом. Даже удара не услышал, ты сразу затормозил. Выбежал. Слышу бабка орет на молодуху, видимо, мать: чего не смотрела за ребенком! Та заболталась с подругой. Сук-ка! Взял пацана на руки, остановил «жигуленка» - и в больницу... У него изо рта кровь. Видишь, брюки в пятнах. Боюсь взглянуть на него, не могу, страшно. У медсестры руки трясутся, никак не разрежет ему рубашку. Дай я – разорвал. Никаких следов

ушибов не было на груди. Через час – я курил в коридоре – вышел хирург, развел руками, мол, умер. Он понял, что я водитель, пьяный, в крови, бледный. Руки, гляди, все еще трясутся... Зачем я тебе звонил? Знал бы, что так повернется, пешком до магазина сходил. Я, я виноват...

- Брось молоть. За рулем сидел не ты же. Но я, как увидел его, сразу по тормозам. Он еще рукой шлепнул по капоту. Не думал, что насмерть. А когда ты его поднял, как мороз в голову ударил. Как во сне вижу – гаишники приехали, измерили тормозной путь, дыхнул им в трубку. Потом в санчасти давление измерили. Все нормально, никаких отклонений. Две недели не пил, только из отпуска... Как увидел кровь, мне дурно стало. Хотя, поверь, в органах всего повидал – и без голов людей, и раздавленных, и удушенных... А тут...- он порывисто заплакал. – Не суд страшен, страшно, что я ребенка... Как людям в глаза смотреть, хоть увольняйся из милиции. Сегодня же все в поселке будут знать.

- Ты же не виноват. Он сам выбежал под машину. Это мать прохлопала, проболтала своего пацана.

- Да кому это важно? Суд оттолкнется от конкретного факта – смерть. Причина? Я. И все твои доводы – псу под хвост. Бедный малыш! В пору повеситься, право.

- Что ты убиваешься, ты не виноват. Не виноват. И суда не будет – трезвый, давление

нормальное. А ребенок выбежал неожиданно, из-за машины. Ты же не видел? Успел затормозить. Ударил, ведь ты же на него не наехал. Но самое главное, что ты был трезвый. На остальное наплевать, выкинь из головы...

- Жена еще не знает. Она у меня красавица, умница. Узнает, сразу уедет к родичам. Позвони ей, а? Скажи, что задержусь у тебя до темноты. Стыдно по улице идти. Будут пальцем тыкать: мент ребенка задавил. И всем до одного места: пьяный я был или трезвый. Дернуло же меня поехать...

-Я виноват, я упросил за водкой съездить. Как ты отказывался, не хотел, как чувствовал. А я дурак... Эх! Что у меня так голова чешется, вчера же мыл?

-Это от нервов у тебя, зудит.

- Когда я взял его на руки, представил своего сына и чуть с ума не сошел. Невинный ребенок... А из-за чего? Мамаша виновата, дура, заболталась. За ребенком лень посмотреть. Садить таких мамаш, расстреливать гадин...

Была уже глубокая ночь. По десятому кругу они во всех подробностях вспоминали случившееся. Холодели при мысли, что будет суд, разбирательство. И как ни винили они обстоятельства, как ни винулись друг перед другом, глубоко и пронзительно понять и принять сердцем, что кровь младенца на их совести, они не могли. Мысленно они понимали,

но душой принять эту правду отказывались – слишком страшна она. Поэтому они вели разговор как бы вокруг да около главного, сознательно перебирая частности и детали, выискивая случайные закономерности, чтобы хоть чуть оправдать себя. Но и это не успокаивало, так как в очередной раз они прошли мимо главного – покаяния, готовности принять в душу всю вину, все страдания ребенка, матери, родных и близких. И разговор начинался сначала...

А на столе стояла непочатая бутылка водки и две пустые хрустальные рюмки.

Искусство требует жен

Когда слесарь-моторист Федька Поршнеев в кадрили проскакал щека в щеку с главным бухгалтером предприятия Анной Поликарповной, женщиной полной, известной своей суровостью, зрительный зал грохнул.

Этого от местных артистов никто не ожидал. Смеялись и аплодировали с удовольствием. Жилисто-вертлявый Федька сохранял на лице не присущую ему невозмутимую серьезность.

В конце танца Анна Поликарповна озорно схватила своего напарника под мышку и утащила со сцены. Он правдоподобно вырывался и корчил отчаянные рожи.

Такого обращения со своим мужем не выдержала жена Поршнеева. Посреди аплодисментов вышла из зала глубоко оскорбленная.

Дома она ему закатила скандал с битьем посуды, который закончился словами:

- Вот и живи тогда со своей Анной Поликарповной!

Напрасно Поршнеев пытался вставить в ее монолог что-то об условности искусства, о жанре танца и тому подобное – это только подлило масла в огонь. В конце концов он плюнул:

- Да ты вообще ничего не понимаешь в искусстве!

- Я не понимаю? Да все говорят, что у вас с ней роман!

И пришлось Феде собрать вещи и уйти к Анне Поликарповне.

Целый год над их концертным номером смеялись зрители, где бы и на какой праздник они ни выступали. Особенно бушевал зал, когда дородная Анна Поликарповна озорно подхватывала своего напарника и уносила за кулисы.

Однако через год активной сценической жизни номер они поменяли. Точнее, поменялись ролями. Похудевшей Анне Поликарповне едва хватало сил утащить раздобревшего Поршнеева из поля видимости зрителей.

И вот долгожданная премьера!

Солидный Поршнеев проскакал в кадрили щека в щеку с худосочной Анной Поликарповной... подхватил ее за талию... и под жидкие аплодисменты унес со сцены.

Это было равно провалу. Гвоздь программы согнулся в знак мучительного вопроса: почему?

День и ночь терзался над неудачей Поршнеев: почему? почему! почему.... Потом пришло сомнение: быть или не быть? Его сменило отчаянье: жить или не жить?

-Жить! – весело ворвалась в примерную артиста бывшая жена Поршнеева, озорно схватила его под мышку и унесла домой!

Нифонтан

Старожилы нашего райцентра помнят фонтан, сооруженный напротив райисполкома по инициативе председателя, которого по странной случайности звали Нифонт Трофимович.

Пару летних месяцев побрызгала струя в кирпичном ограждении и то с перерывами: то воду отключат, то грянут дожди, то труба засорится. А с первыми заморозками фонтанное хозяйство перемерзло и приказало долго жить.

Жители оглядывая пустующее сооружение, быстро заполнившееся мусором и бутылками, сочувствовали:

- Да-а, нифонтан...

«Нифонтан» потом заткнул, выросший на его месте памятник вождю.

Запаски из цикла «СТРЕМЕНА ХОДА»

***

В одной руке – пятак 1953 года, в другой – пятикопеечная монетка 1999 -го. Между этими датами – моя жизнь. Неужели она так подешевела.

***

В конце августа резко похолодало, зашумело в беломошном бору, защелкали иголки, зашелушилась кора, сыро запахло ольховой горечью. Лужи на лесной дороге успокоенно зазеленели. А утром солнце так прыснет сквозь хвою, так плеснет по листве, так глубоко сунется в низинный сумрак, что дотянется в душе до глубинной памяти и любви ко всему существу. И опустишься на присыпанный листьями пенёк и отрешенно слушаешь: себя ли, тайгу ли, время...

***

Друг грустно пошутил, жалуясь на старческие болезни и дороговизну лекарств: пора добывать пантокрин из собственных рогов.

***

Не помню такой лиховеерти в сентябре. Бывали внезапные метели, обрушивались снегопады, но такой неистовый, леденящий ветер с мелкой, секущей крупой – впервые. Не месть ли это за вырубленную тайгу? Мой щитовой дом стонал и скрипел ржавыми гвоздями. Казалось, к утру рассыплется. Нет, устоял, и даже антенна удержалась. Спал кошмарно, отходил от пьянки, поэтому непогоду воспринимал как личную драму. А утром как ни в чем не бывало выглянуло большое тихое солнце. В коридоре – косая пирамида плотного снега, а на деревьях листья перегнуло с северной стороны на южную.

***

На вокзале дед с бабкой присели на скамейку под акацией, разложили на газете нехитрый обед: вареная картошка и ломти ржаного хлеба. Не спеша ели и вкусно. Завсегдатай вокзала вислоухий пес остановился около, загляделся. Дед отломил кусок хлеба и картошки, положил на землю. Пес понюхал и удивленно вскинул глаза, так и не отведав предложенного, побежал восвояси.

- Зажрался, твою мать, - бросил ему вслед старик, поднял хлеб и картофелину, раскрошил воробьям, тут же шумно налетевшим невесть откуда.

***

Позвонили. Трубку взяла внучка: здесь такой не живет. Спросила у бабушки: кто такой Владимир Михайлович? Бабушка ответила: это ж твой деда Вова!

-А почему у него два имени?

***

Повалил снег и лужи вяло потемнели, а черствая горбушка сплюснутого сугроба в дальнем углу, рыхло побелела. Огородный мусор, собранный граблями, дымил, не хотел разгораться и я, исчиркав спички, отступился. Закурил. Но и папироса после двух затяжек погасла. Досада, вызванная этим, и неудовлетворенное желание сделать что-нибудь полезное, постепенно растворились в снегопаде. И я понял чего хотел с самого утра, прибираясь в огороде, подравнивая поленницу, тщетно пытаюсь починить штакетник – гвозди подлогнулись – ждал этого белого покоя, чтобы остановиться: слушать и наслаждаться бездельем.

***

Есть творчески созидающий человек – другим в награду.

Есть творчески работающий человек – себе в удовольствие.

Есть творчески мучимый человек – человечеству в оправдание.

***

Поэзия – истина одного. Но она важна, как для владельцев шести соток, так и для владельцев «шестисотых».

***

В ноябре, оставляя на зиму избу, на дорогу сварили мясо. Бульон оставили в печи. В марте вернулись, разогрели, добавили в бульон картошки, доели. Будто и не уезжали.

***

*Если вижу, что мужчина
Вдруг лишился полноты,
Называю три причины:
Рак, любовь или глисты.*

***

Скособоченные стопки снега на крышах, караваи на столбах, пышки на штакетинах. Ярче голоса. Ближе к жилью шустрят синицы, ковыряются в пахучих свежерасколотых дровах. От теней становится гуще перелесок. Сугробы еще сухи и чисты, но уже заметно уплотнились. Дорога до блеска отшлифована машинами, в ее зеркале появились мелкие серые оспины. Непоправимо весенними ощущаются припеки солнца. А в сумерках нет-нет да и потянет мучнистой пылью по обочинам, а то комариным инеем облепит ветви. Начинается внутреннее томление: и писать не пишется, и бродить не бродится, и сам не знаешь, чего хочешь.

***

Высокая веселая девушка шла, вихляя бедрами и ужимаясь плечами, словно постоянно протискиваясь по очень узенькой улочке.

***

Выгружали стекло. Контейнер был слегка наклонен. И когда его открыли, глыба – слоистая, звенящая, режущая – рухнула в полуметре от перепуганных грузчиков. Мгновенье назад был товар – деньги, и вот – мусор, годный только на свалку. Курам истолочь – стеклянные яйца будут нести.

***

В тюменской газете прочел сообщение о смерти моего хорошего знакомого Владимира Назина, добрейшего и беднейшего поэта, - съел на свердловском вокзале два пирожка с мясом.

С горечью сейчас вспоминается его смех по поводу моей шутки:

Кто б поэту Назину

Купил шапку на зиму.

Ходит в стареньком пальте.

Не печатают нигде.

***

Похмельный кошмар: иду домой темным переулком. Вижу, впереди на маленькую девочку пикирует какая-то жуткая птица вроде грифа. Откуда она в наших местах? Выломал штакетину, отбил девочку. Огляделись мы с ней, а вокруг непонятно откуда взявшиеся звери: львы,

жирафы, гиены, носорог... Неужели сбежали из зоопарка африканские животные? Почему наши сибирские собаки молчат? Звери, как у себя дома, бродят по нашим перелескам, сидят на заборах, высовываются из подворотен.

«Ничего, главное, их не тревожить», - успокаиваю сам себя, проходя мимо дремлющего льва. И мы уже почти миновали его, но тот открыл глаз и рывкнул. Мы рванули, понимая, что догонит. Тогда я взял девочку подмышку и... взлетел. Проснулся от трезвой восторженной легкости, которая долго держала душу в состоянии полета.

***

Как рождаются частушки? Заместитель главы по социальным вопросам, отправленный на пенсию, был лысым мужчиной. Его сменил тоже «голый», правда, прокоролевствовал недолго. Пришел молодой, деятельный и... может быть, вы будете смеяться, тоже с головой как коленка. Сразу же родилась частушка:

*От вопросов социальных
Полысеть немудрено.
Подбирают специально
Тех, которым все равно.*

***

Знакомый поведал, что ему показывали список фамилий, которым нужно дать взятку,

чтобы отмазать сына от службы в армии. Он даже читать не стал, чтобы кого знакомого не увидеть, - стыдно. Ответил ему: а я бы посмотрел и еще свою фамилию дописал.

***

Из ослепительной белизны оплавленно вытянулась капля, а за ней – сосулечный сосок. К обеду задробило частозвонно с крыш, выдалбливая вдоль окон узкую глубокую дорожку. На припеке – обочины ощетинились грязно-стеклянным мхом. Тяжело осел снег в огородах. Слюдяной пленкой подернулись следы в лесу. Засияли и запестрели улицы. Обострились чувства. И вытаивают из памяти какие-то невнятные обрывки воспоминаний, которым нет ни начала, ни конца.

СОДЕРЖАНИЕ

Молочно-пунцовый березовый март	3
Снег в зеркалинах и саже.....	4
Свежего снега свечение.....	5
Пока от ватного тепла.....	6
Все цвета.....	7
Засвистела поземка.....	8
Ты знаешь лучше всех.....	9
Трутовик.....	10
Загадка.....	11
Век неразумного прогресса.....	12
Ошарашен теплом.....	13
От холода март зачерствел.....	14
Когда говорить не о чем.....	15
Вот тебе и оттепель!.....	16
Обдуманно обидела.....	17
Снег сухарист.....	18
Ты ночь не спал.....	19
В костер, дымящий еле.....	20
Уже озвучен.....	22
Вчера- ни облачка.....	23
Засыпаю под облаком.....	24
Тополя ерошили под Ливнем.....	25
Цветет картошка.....	26
В одиночестве желанном.....	27
Мы зависим от божьей воли.....	28
Слепит листва.....	29
Кому приятель, а кому- чужой.....	30
И хотел бы не слушать молву.....	31
Любовь к вину не обращал в ВИНУ.....	32
Приют.....	33

Полнолуние.....	34
По асфальту листва расклеена.....	35
Мы свободны!.....	36
Взрывы, крики и вой.....	37
Поминальную службу исполня.....	38
Дорога звала продолженьем.....	39
Прости досадную промашку.....	40
В тополях, на ветру распятых.....	41
Ливнями прилизанные травы.....	42
По карнизу капли в очередь.....	43
От горстки бодрости.....	44
Ухожу от пасмурных событий.....	45
Сторож.....	46
Зимой – мороз под сорок.....	49
Сыроежки.....	50
Парк.....	51
Примета.....	52
Дурак.....	53
Рысак, озаренно косясь.....	54
Растряхивая «ахи» на ухабах.....	55
О конституции.....	56
Часы.....	57
В полночь-войлочно сосновом.....	58
Ты не молчал.....	59
Белый сон.....	60
Может случайно прохожий.....	62
Горьким солнцем налитые стебли.....	63
Милая, чем Независимей.....	64
За черным – синий.....	65
Кочан.....	66
Осень проветрена досуха.....	67

От бабьего лета и до Покрова.....	69
В тонкий лезвийный разрез.....	70
Разглаживая тени.....	71
Он долго, томительно долго.....	72
Пробуждение.....	73
Зеленые сумерки по низу.....	74
Рваные тучи на синем.....	75
На еловых лапах лес.....	76
Мне хватало с самого начала.....	77
Лаковый брусничник пересыпан.....	78
Несловоохотлива осень.....	79
Дорога отработала свое.....	80

КЛЕТКА ДЛЯ ИКАРА

Камешки.....	82
Актуальное.....	83
Водолазики.....	84
Пора тополиного пуха.....	85
Ворона.....	86
Туман.....	87
Сон.....	88
Обои.....	89
Прядь волос.....	90
Запой.....	91
В ладу с собой.....	92
Ногти.....	94
Голова болеет.....	96
Фига.....	98
Человек с чемоданом.....	99
Очередь.....	101
Гул картофеля.....	102
Воробей.....	104

Кедренок.....	106
Синяя клюква.....	107
Страх.....	108
Половина.....	109
Веселый человек.....	110
Любимая.....	111
Телефон.....	112
Сухари.....	113
Ведро.....	114
Клетка для Икара.....	115
Мужик.....	119
Виноватые.....	121
Искусство требует жен.....	125
Нифонтан.....	127
Запаски из цикла «Стремена хода».....	128

Владимир Михайлович Волковец

Окрыленный бездорожьем
Стихи и рассказы

В авторской редакции

Технический редактор Р.Завадская
Дизайн обложки А.Колосков

Сдано в набор 25.09.2001 г.
Подписано в печать 1.10.2002 г.
Формат 60+80/16. Печать офсетная.
Условных печатных листов 8,7
Заказ № 521
Тираж 1000

Лицензия ИД № 01441 от 5.04.2000 года

УП ХМАО «Советская типография»

628240 г. Советский,
Ханты-Мансийский АО,
ул. 50 лет Пионерии, 11 "В"
тел. (34675) 3-10-84, (факс) 3-22-09

75362004
Окружная библиотека

Владимир Болковец родился в г.
Ижевск Удмуртской АССР. Окончил
Шарьпинский совхоз-техникум в
Ижевской области и Литературный
институт им. А.М. Горького.
Автор сборников "Сосновый дом" (Москва),
"Ютцовский лес" (Свердловск),
"День начинается с ветра" (Советский),
"Встретимся в августе..." (Югорск),
"Осень на Севере" (Советский),
"Солнце на подоконнике" (Ханты-Мансийск).
Член Союза писателей РФ с 1988 года.
Живет в г. Советский.